

Спринт не совсем согласился с теорией Энник. — Наш учитель, должно быть, посвятил себя повышению своего магического уровня и пытается продвинуться в девятый круг. После того, как он достигнет девятого круга, у Конгресса будет много странных ритуалов, которые могут помочь ему стать легендарным колдуном.”

Последовательное совершенствование двух основных уровней с помощью ритуалов приводило к сбоям более чем на восемьдесят процентов. Поэтому спринт считал, что лучшим решением для его учителя, чтобы стать легендой, было сначала выйти в девятый круг самостоятельно. Что касается того, будет ли дальнейшее продвижение после девятого круга успешным, Спринт абсолютно не сомневался в этом. С легендой, которая в совершенстве соответствовала его когнитивному миру, легендарными магическими моделями, которые были выгравированы в его когнитивном мире, и опытом и помощью стольких легендарных магов, не было никакого способа, чтобы их учитель мог потерпеть неудачу.

“Да, наверное, ты прав. - Энник не настаивала на его мнении. «Наш учитель не часто приезжал в институт атома. Должно быть, он был сосредоточен на самосовершенствовании.”

Именно по этой причине они были менее обременены в последние месяцы. Помимо продолжения исследований по теории относительности, у них была только миссия анализа механизма вспомогательных вычислительных массивов. Прошло уже немало времени с тех пор, как появились новые экзамены и тесты. Они почти пропустили его.

Что касается рецензирования статей, то с тех пор, как Люсьен стал членом Высшего совета, его работа в Наблюдательном совете Аркана была автоматически отменена, и они больше не нуждались в пересмотре статей.

Спринт взял журналы, которые купила Энник, и просмотрел оглавление. Внезапно он увидел статью Брука с особенно длинным названием: «сложное расщепление спектральных линий в слабом магнитном поле и его противоречие новой алхимии».

В прошлом году они пытались починить новую алхимию. Хотя большинство их идей были неодобрительно восприняты Хэтуэем, Равенти, Хоакином и другими великими арканистами, этот аргумент все же заставил их многого достичь.

Таким образом, они прекрасно интегрировали знания, которым обучал Люсьен, упражнения, которые он давал, эксперименты, которые он им поручал, и блестящие идеи в его голове. Они действительно стали молодыми людьми с потенциалом стать арканистами старшего ранга, а не вазами, которые были поддержаны их учителем.

Поэтому спринт стал довольно торжественным после того, как он увидел титул. Он открыл соответствующую страницу по магии и внимательно прочитал ее.

“Как... как ... как может быть такое разделение? Квантовая модель новой алхимии, похоже, не применима к ней...” после долгого времени спринт говорил сам с собой довольно мрачно.

К счастью, все знали, что новая алхимия была недостаточно совершенна. Маги, построившие свой когнитивный мир на его основе, были в основном сосредоточены на простой структуре протонов, нейтронов и электронов и не включали в себя специфический энергетический уровень. Вот почему его когнитивный мир не дрогнул.

Анник, услышав его бормотание, тоже торжественно приняла магию на себя. Тем временем

спринт тяжело вздохнул и пошел в лабораторию, чтобы проверить бумагу. Как сказал его учитель, даже великим арканистам нельзя полностью верить, когда речь заходит об аркане!

Энник была вся в холодном поту, пока он читал дальше. Его узкое пространство стало еще более бледным, когда он понял, что его нынешние знания вообще не могут объяснить этот феномен.

Неужели с новой алхимией действительно что-то случилось?

Крепко держа журнал, Энник тоже вошла в лабораторию.

Когда уже почти рассвело, они вдвоем в изнеможении вышли из своих лабораторий, и оба увидели горечь в глазах друг друга.

«Рамки новой алхимии, безусловно, верны.» Спринт подчеркнул это. Протоны, нейтроны, электроны и фундаментальное взаимодействие, названное их хозяином сильным ядерным взаимодействием, — все это было доказано!

Энник кивнула: «Однако энергетический уровень и орбиты квантованных электронов, похоже, находятся в серьезной опасности. Возможно, нам следует отказаться от ущербной концепции и мыслить с другой точки зрения.»

После полугода повторяющихся споров и исследований они поняли, что должны отпустить некоторые вещи, когда это необходимо.

Возможно, это и было преимуществом молодых людей. Было очевидно, что для арканиста, который был предан теории в течение десятилетий, было невозможно внезапно отказаться от своей настойчивости и специальности.

«Давайте попробуем решить проблему через энергетический уровень и орбиты, не добавляя больше гипотез. Если мы не сможем, то попробуем другие подходы. - Торжественно произнес спринт. — Мы спросим нашего учителя после праздника. У него определенно есть необычные идеи.»

Они чувствовали их значительный рост каждый месяц в исследовании и споре о новой алхимии, но они также обнаружили, что разрыв между ними и их учителем становится все больше. Их учитель мог бы ответить на каждый их вопрос с разумной точки зрения.

“В порядке. - Забыв про сон, Энник пошла в библиотеку с экземпляром «магии».

То же самое произошло в доме Катрины и Хайди, а также в волшебных башнях Хэтуэя, Морриса, Равенти, Гастона и других арканистов верхнего уровня.

В Громовом аду, однако, Фернандо был явно взволнован, что сделало Томпсона, Хлою и других студентов, которые пришли пожелать ему счастливого Нового года, благоразумными.

— Господин, с Новым годом вас. - Томпсон был уже на седьмом уровне и надеялся войти в девятый круг.

Свирепо глядя на них, Фернандо прорычал: “я совсем не счастлив! Я не понимаю аномальное явление расщепления Брука!”

Брук обсудил с ним этот феномен после того, как он обнаружил его и написал статью позже.

Хлоя, у которой был вид поэта, осторожно спросила: “в чем дело, мастер?”

Будучи авторитетом в термодинамике, он не был так хорош, как такой неразумный человек, как Люсьен, но он уже был на восьмом уровне и в восьмом круге. Однако он еще не читал статью Брука о новом выпуске «магии».

“Не смей упоминать эту чертову газету! Я бы предпочел, чтобы это был поэт, драматург или Плейбой, чтобы мне не нужно было думать о проклятой бумаге! Фернандо выразил свою ярость, и все его ученики сузили глаза и повернули головы вокруг, как лодки, которые поймали ужасный торнадо в океане.

Томпсон поспешил сменить тему разговора. — Господин, А почему Люсьена здесь нет?”

“Он приходил с Альферрисом раньше. Они уже ушли. - Фернандо теперь был более или менее спокоен.

Хлоя с любопытством спросила: «А каково его мнение о газете?”

Едва он задал этот вопрос, как почувствовал обжигающий взгляд Томпсона. Он сразу же понял, что задал последний вопрос, который должен был задать.

Лицо Фернандо снова исказилось. “Он также признал, что с новой алхимией что-то очень не так. Он считал, что для ее объяснения необходимо ввести новые квантовые числа. Его первоначальная система ничего не могла с этим поделать. Я бы предпочел, чтобы он никогда не предлагал новую алхимию!”

Рев обрушился на него, как ураган. Хлоя не могла бы сожалеть об этом больше.

...

В волшебной башне Равенны...

После того как Дьепп покинул библиотеку своего учителя, он не помнил ничего, кроме необычного расщепления спектральных линий и того, как его учитель проводил вычисления, нахмутив брови.

— Мой учитель уже почти готов перейти в легенды. Сейчас он не должен отвлекаться ни на что другое. - С тревогой подумал Дьепп. Как лучший из учеников Равенти, он был уже на шестом уровне и в седьмом круге. Хотя он и не был так молод, как Люсьен, Фелипе или Ларри, по сравнению с другими магами он явно был еще в расцвете своих лет.

В конце концов Равенти выбрал класс Хэтуэя «Повелитель стихий», который был частично модифицирован на основе достижений в области протонов, нейтронов, электронов и сильного ядерного взаимодействия. В конце концов, новая алхимия, на которой был основан «Атомный контроллер», была далека от зрелости. Никто не хотел рисковать, кроме Люсьена, который был совершенно неразумным.

Дьепп задумчиво покачал головой. Дискуссия о новой алхимии была искушением, которое не смогли преодолеть ни один маг, посвятивший себя стихиям, алхимии и материи. Он, вероятно, тоже не смог бы устоять, будь это он сам.

Вернувшись в свою комнату, Дьепп все еще размышлял о необычном явлении, связанном с энергетическим уровнем и орбитами электронов, и о том, что его нельзя экстраполировать на

более сложные атомы. Он не мог заснуть после долгого времени.

Расстроенный, он встал и принялся расхаживать по комнате, вспоминая разговоры, которые велись в последние полгода.

«...Навязанное квантование ... навязанные электронные орбиты... навязанные энергетические уровни ... ненаблюдаемые орбиты и энергетические уровни... есть много нерешенных проблем. Мы должны найти новый выход!»

Самое большое подозрение Хэтуэя по поводу новой алхимии эхом отозвалось в сердце Дьеппа. Он успокоился и попросил себя отказаться от сложных мыслей и начать с самого простого вопроса. «Если мы ничего не навязываем, то должны исходить из естественных, встроенных качеств электронов. Какие качества электронов были подтверждены? Масса ... количество обязанности...»

«Масса...» — вдруг вспомнил Дьепп теорию относительности, которая тоже довольно сильно разгорелась в последнее время. Было заявлено, что г-н Председатель почти понял общую теорию относительности и вот-вот выступит с комментарием. Однако то, что напоминало ему о «массе», на самом деле было формулой массы-энергии, которая, казалось, содержала самые глубокие тайны этого мира!

“Если есть масса, то будет и внутренняя энергия; если есть энергия ... и электронный переход излучает или поглощает фотоны... я думаю, что они могут быть связаны ... квантование углового момента...”

После того как Дьепп долго не допускал дурных мыслей, он постепенно успокоился, и его глаза открылись. Он сидел за столом и писал своим пером на листке обычной бумаги. Снаружи стояла темная и холодная ночь.

По мере того, как его идеи расцветали, на бумаге появлялись строки слов. Лицо Дьеппа постепенно застыло, как будто он не мог поверить своим глазам. Это было вполне разумное и логичное умозаключение, но как он мог достичь такого ужасающего и нелепого результата?

Впервые в жизни ему захотелось разорвать свою собственную газету. Темная ночь снаружи была похожа на монстра, который вот-вот поглотит его, заставляя чувствовать себя холодно.

— Посылки не ошибочны, и дедукция тоже не ошибочна. А я тем временем продолжу... — Дьепп стиснул зубы и продолжал писать, чувствуя, как сердце его сжимается. Время от времени он останавливался, чтобы обдумать и исправить свои ошибки.

Когда наступила полночь, его мысли были совершенно ясны, и он закончил работу без всякой остановки.

Но после того, как это было сделано, он не чувствовал ни малейшего света. На его лице не было ничего, кроме потрясения и даже слез.

Как электроны могут быть волнами?

Как могли электроны, у которых было так много неоспоримых свойств частиц, таких как масса, импульс и следы частиц, быть волнами?

За окном начал падать огромный снег, окутывая Дьеппа невиданным холодом. Разве кто-нибудь другой согласился бы с выводом, в который ему самому было трудно поверить?

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://tl.rulate.ru/book/4991/1243906>